

профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Религия в Японии и Корее
профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Процесс развития рода человеческого направляется в настоящее время и в высь и в ширь: в высь – культура поднимается все выше и выше, в ширь – культура захватывает все большую территорию земного шара, к ней приобщаются все новые и новые народы. В процессе своего расширения европейская культура, двигаясь на восток, и американская, двигаясь на запад, встретились не так давно в области Тихого Океана. Япония здесь показала пример удивительно быстрого усвоения начал цивилизации. Обстоятельства заставят и Корею не замедлить с усвоением этих начал. Пройдет, может быть, немного десятилетий и в рядах служителей и двигателей науки зазвучат и японские и корейские имена. Но для того, чтобы это случилось скорее, нужно, чтобы японцы и корейцы порвали со своим прошлым и усвоили себе скорее и полнее чужую жизнь и чужую науку.

Просвещение всех народов, конечно, должно быть желательным для каждого человека, и мы должны желать скорейшего распространения культуры и в Японии и Корее. Но желая им лучшего и нового, исследователь не может пренебрегать изучением и их старого, хотя бы и плохого, особенно – старого самобытного. Теперь эти народы стали усваивать чужой ум, но чего они добились умом своим? Что создали они в сфере духовной? Что перенимали и усвоили они у народов равного с ними развития раньше, чем пришли в соприкосновение с высшими культурами? Вот вопросы, исследование которых, не говоря об их бесспорном значении для истории и этнографии, могут дать поучительный материал для социолога, психолога и богослова.

Духовная жизнь народа, прежде всего, открывается в его религии, если только связь между ним и религией не является номинальной. Религия есть и теория и практика, в религии отражаются и идеалы, принимаемые народами, и то, поскольку они владеют силами для осуществления этих идеалов. Мы попытаемся взглянуть на религиозное состояние Японии и Кореи¹

Национальная религия Японии, которую японцы исповедовали раньше, чем вступили в религиозные сношения с другими народами,

названа китайцами Шинто. Она создавалась и выработалась в тот период, когда японцы жили обособленною жизнью. Китайцы явились в Японию, главным образом, не с национальной своей религией (конфуцианством)², а – с буддизмом. И через Корею и через Китай в Японию шла проповедь об учении Будды, о пути спасения, который предлагает Будда.

Этот путь Будды («будду» – Будда, «то» или «тао» – путь) – будсудо буддисты противопоставили тому пути, который раньше знали японцы – шинто («шин» или «син» – дух, «то» – путь) – пути духов. Шинто есть религия, почитающая духов. Японцы называют ее ками-но мици. Можно называть ее и просто религией ками. «Ками» – не значит собственно дух, а содержит в себе идею господства, превосходства. Слуги называют своих господ «ками». Первоисточники для изучения ками немногочисленны. Предание рассказывает, что религиозные сказания первоначально хранились просто народной памятью. Понятно, что возникло множество их вариантов. Микадо (слово значит: «высокие ворота»), т. е. «Государь».

Темму подверг критике предания и легенды и установил их устную каноническую редакцию. В те времена, когда истину пытались сохранять в памяти без помощи бумаги, делу сохранения религиозных сказаний, песен и обрядов служили люди, обладавшие крепкою памятью. У Темму был человек, наделенный необыкновенным талантом памяти, некто Аре. Он должен был передавать другим религиозные и вообще исторические предания по установленной редакции. Императрица Джеммиу велела (полагают, около 712 года по Р. Х.) записать легенды со слов Аре. Так явились коики или кожики – тысяча поэм (это – создание народного эпоса) и позднее – нориту (руководство обрядов, аналогичное нашим службникам и требникам). Но, собственно, кажется, первый источник воспроизводит верования Шинто сравнительно в древнейшем виде.

Шинто почитает духов стихий, местностей, качеств и потребностей, почитает божества, возвышающиеся над этими духами, но не усваивает божествам этим абсолютного характера. Почитает шинто и духов умерших. Причем эти духи имеют различную участь: бледные молодые девушки становятся эхом скал, пеною каскадов, вином, бродящим в точиле. Великие умершие сохраняют в себе больше личности и могут становиться даже богами. Понятно, что духи, распадаются на категории добрых и злых, причем между ними нет резко разграничивающей грани (в общем, Получеловеческие духи – «Они» – приносят несчастье, Стихийные духи – «Тенгу» – безвредны).

История и устройство мира по шинто таковы. Сначала был хаос. Из этого хаоса, по-видимому, поднялся фаллос (копьеобразный тростник с

чудовищной почкой), из этого фаллоса возникло первое божество. Затем явились другие божества, сменялись поколения богов, явились небесные духи, не имевшие власти над землей, но все еще не произошло полного обособления земли и неба. Окончательное устройство мира совершили Ицанаги (дух воздуха) и Ицанани (богиня облаков). Опуская жезл с драгоценным оконечником (фаллос) в волны океана, Ицанаги произвел первый остров Оногоро (похожий на фаллос), а затем и другие острова. На вершине гористого конца Оногоро был утвержден небесный мост, а вокруг вращается весь мир в вечном круговороте.

От брака Ицанаги и Ицанани начали происходить другие божества, причем происхождение это в японских легендах не представляется естественным. От них произошли Аматеразу (божество солнца), Тзуку-Иоми (божество месяца), Сузано-о (бог дождя и бурь). Ицанани умерла. Ицанаги вопреки ее желанию проник с великими трудностями к ней. С трудом, затем, высвободившись из ада, он погрузился в лоно океана.

Сузано-о не любил и завидовал своей сестре Аматеразу. Он довел ее до того, что она, раздосадовавшись, скрылась от мира в пещере. Боги только хитростью заставили ее снова показаться миру (при помощи зеркала). Потомок Аматеразу принц Ниниги был послан на землю, чтобы управлять «тучными нивами вечно зеленых рисовых полей». Бог земли, называемый богом границ Сарута, приветливо встретил Ниниги. Последний женился на дочери «властителя горных цепей» прекрасной, но не обладавшей бессмертием и давшей Ниниги смертное потомство.

От бога Сузано-о происходят Микадо Японии. Все высшие и духовные лица в Японии имеют также божественное происхождение, Микадо есть бог и по происхождению и по свойствам. Потомство Ниниги управляет видимым миром, но есть еще мир невидимый (все то хорошее и злое, что скрыто от земных владык). Им управляет Окониуши, потомок Сузано-о, он карает и награждает. Судьба людей после смерти определяется их поведением при жизни, они могут попасть в тела лисиц, могут подвергнуться тяжелой участи, но могут получить блаженный удел. В шинто, как во всех аналогичных анимистических религиях, и над богами и над духами и над людьми поднимаются некоторые принципы, требования, осуществление которых ведет ко благу, нарушение – ко злу. Откуда явились эти самые принципы, законы и требования по существу всегда остается невыясненным в этих религиях. Так шинто требует от своих последователей: чистоты сердца, уклонения от осквернений – значит чистоты внутренней и внешней, исполнения ритуальных требований, почитания празднеств, религиозного паломничества, наконец,

от избранных подвижничества.

Многие легенды и сказки японцев показывают, что их нравственная чуткость стоит высоко и что требования чистоты сердца они понимают так же, как и самые развитые народы. Можно найти в японских сказках суровое осуждение нечестно действующей силы, которая, в конце концов, сокрушается, потому что слабые и честные существа, любя и доверяя друг другу взаимно, тесно сплачиваются между собой. Это выражено в их сказке «Краб и обезьяна». Осуждаются в их сказках жестокость к животным и скаредность, и одобряются сострадание и милосердие (сказки: «Воробей с обрезанным языком»; «Про человека, который заставлял цвести засохшие деревья»).

Слышится у них жалость и любовь к детям (Момотаро, души детей). Встречаются сказки с моралью: каждый должен довольствоваться своим жребием («Щебенщик»). В сказке «Светлячок» остроумно осуждаются попытки превзойти самого себя: насекомые, завидующие светлячку, летят на огонь, думая позаимствовать от него свойство светить, и погибают.

В японских преданиях восхваляются патриотизм, честность и честь. Так одно предание рассказывает: вождь Йоритомо убил предводителя противной партии и захватил в плен одного из самых даровитых вождей из этой партии Какекиго. Цня достоинства Какекиго, он отнесся к нему великодушно и надзор за ним был очень слабый. Какекиго бежал. Йоритомо вторично захватил его в плен и опять не только отнесся к нему великодушно, но и предлагал почетнейшую должность у себя. Какекиго сказал: «Я поклялся до могилы служить моему вождю. Ты его убил. Я поклялся мстить убийце. Но я не в силах быть твоим убийцей. Вот моя жертва тебе», – и Какекиго вырезал себе оба глаза и отдал их Йоритомо; после чего ушел от него непреследуемый.

У японцев существовал до последнего времени, теперь запрещенный законом, обычай харакири (распарывания живота). Смысл этого обычая тот: японец убивает себя, когда видит, что далее существование его бесполезно и как бы мстя себе за свою бесполезность, он убивает себя жестоким образом, разрезывает себе накрест живот – страшно мучительная казнь – полагают, что этот обычай возник среди воинов: раненые солдаты добивали себя. До самого последнего времени существовал обычай распарывать себе живот у порога врага.

Самоубийца своим образом действий показывал, что враг довел его до состояния, при котором невозможна полезная жизнь (лишение чести, имущества). В древности, говорят, это было апелляцией к родовой мести, но в новое время это являлось, во всяком случае, обращением ко

нравственному чувству врага и общества. Самоубийца показывал, какие жестокие страдания причинил ему враг, если он предпочел им мучительную смерть.

В шинтоисских храмах можно встречать изображения трех обезьян: одна закрывает себе руками глаза, другая – рот, третья – уши. Это символы. Человек должен остерегаться осквернения глаз (созерцанием соблазнительных зрелищ), осквернения рта (дурными речами), – ушей (слушанием дурного).

Внешней чистоте вредит наиболее по шинтоизму кровь и затем смерть. Царапина делает человека нечистым. Если рабочий поранит себя при постройке храма, он навсегда лишается права участвовать в таковых постройках. Убиение животных некоторых, даже потеря близких людей делает человека нечистым.

Шинтоисский культ не отличается сложностью. Шинтоисский храм должен быть деревянный, некрашенный, покрытый соломенной крышей. Пол внутри устлан соломой. Идолов и украшений нет. Но теперь эти храмы разрослись и усложнились. Около храма посвященного какому-либо божеству воздвигают кумирни для других божеств. Затем, при храмах имеются священные животные. Устраиваются помещения для них (стойло для священного коня). Устраиваются театральные сцены; места для жилья, помещения для сбора пожертвований, для сношений жрецов с богомольцами.

В особых святилищах храма помещается ящик (подобный ковчегу?), о котором мыслится, что в нем находится державный дух, представитель божества. В Иссе, в храме Аматеразу такое святилище покрыто завесой, поднять которую не может даже главный жрец. Такое святилище обыкновенно через 22 года разрушается и сжигается, и потом строится снова по тому же плану. С развитием архитектурного искусства и с проникновением буддийских влияний шинтоисские храмы стали роскошнее и пестрее. Храмы часто бывают окружены роскошными рощами (нередко – кипарисов). Неизменными принадлежностями храмов являются следующие. Тории значит собственно убежище птицы, это – ворота, состоящие из двух пней, наклоненных один к другому, на которых положен третий пень дугообразный, выпуклою стороною книзу, к нему снизу прикреплен еще горизонтальный брус.

Практически тории служат насестом для священных птиц, но, по-видимому, они имели какое-то мистическое значение. Во время гонения на католиков их заставляли проходить под тории. Гохеи – палки, к концам которых прикреплены белые бумажные полосы. Они, по-видимому,

служат символом божества, которому посвящен храм. Сабля – в воспоминание о победе Сузано-о над драконом, из хвоста которого он извлек меч. Дракон только что хотел сожрать дочь человеческую. Убив его, Сузано-о женился на ней и родил от нее бога Оона – мутши – номикото, который определил верования людей, цивилизовал их и был родоначальником божественных императоров, царствовавших в течение тысячелетий в Японии. Последний потомок этого племени Цинму-тенно, ставший совершенно человеком, был по японским представлениям историческим предком настоящей императорской фамилии (теперь 121-ый микадо).

Зеркало. Спорят о символическом значении этого предмета. Каково бы оно ни было (символ чистоты, солнца), зеркало, во всяком случае, стоит в связи с легендой о том, как Аматеразу (солнце) была вызвана из пещеры. Боги устроили такое ликование, как-будто что-то заменило Аматеразу и как будто явилось что-то подобное солнцу, против пещеры Аматеразу боги поставили зеркало. Заинтересованная Аматеразу выглянула из пещеры и, увидев свое отражение, вышла затем совсем. Чтобы она не возвратилась в пещеру, через вход сейчас же перекинули веревку из рисовой соломы. Такие веревки тоже вешают в храмах.

Имеется у шинтоистов класс жрецов, безбрачие для них необязательно, обыкновенно они одеваются как миряне, только при богослужениях они носят особое одеяние с очень широкими рукавами. Кроме жрецов имеются и жрицы, между прочим, они исполняют религиозные танцы, они также могут выходить замуж. Обыкновенно жреческие должности передаются по наследству.

В частных домах тоже имеются особые священные места. Это нечто вроде наших киотов. Там находятся амулеты, маленькие изображения богов счастья Дайкону и Ебизу (здесь буддийское влияние), о-хараи – стружки от священных жезлов, употребляемых жрецами при религиозных церемониях в Иссе. О-хараи охраняют от несчастья только на время, но затем нужно приобретать новые, а прежние – уничтожать (сжигать или бросать в воду), но теперь обыкновенно не спешат с убыточной переменой о-хараи. Перед семейными божницами (Ками-симс) по вечерам зажигают лампадки, в определенные дни перед ними ставят приношения из пищи и из водки sake.

Самая простая и существенная принадлежность культа, это – молитва. Шинтоисты не считают тактичным навязываться своим богам с молитвами. У них имеется такое правило. Вставай рано утром, вымой лицо и руки, очисти тело, повернись по направлению к святилищу Иссе,

ударь одну руку об другую и поклонись до земли. Вот образчик японских молитв. «Издали я набожно и со страхом поклоняюсь Амено-ми-хасире и Кунино-ми-хасире (божествам ветра), которым посвящен храм с большими колоннами в Тат-суге, в округе Хеизри, в провинции Ямато, со страхом говорю: «Удостой благословить меня и исправить те ненамеренные поступки, которые я совершил, как ты видел и слышал, освободи меня от бедствий, которые могут навлечь на меня злые боги; позволь мне жить также долго, как живет твердый вечный камень, и передай богам небесного и земного происхождения мои ежедневные мольбы, чтобы они услышали их с чутким слухом быстро скачущего коня»³.

А вот – молитва жреца при богослужении: «Слушайте меня... Я объявляю это в присутствии богов-владык жатвы. Если они, когда созреет поздняя жатва, произведут бесчисленное множество колосьев, которые вызовут пот на наших руках и осадок из риса прессованного нашими ногами, тогда я им предложу начатки из риса из тысяч колосьев и sake, которое заключено в пузатых амфорах, поставленных в ряд»⁴.

Как и у всех народов, мы находим у японцев приметы, гаданья и колдовство. Различие между этими тремя типами суеверий, очень понятно, приметы это – указания относительно будущего подаваемые неожиданно и без употребления каких-либо искусственных приемов тем, кто увидел приметку. Гаданье есть технический прием для получения примет, указаний относительно будущего. Колдовство есть система средств, чтобы сделать будущее благоприятным для себя, чтобы достигнуть той или иной цели. Японцы верят в сны, своеобразно истолковывают подслушанные на улице слова. У японцев существует еще доселе шаманский способ гаданья. Гадающий приводится в экстатическое состояние при помощи каких – либо технических приемов гипнотизации (пост, омовения, музыка, пение). Когда с гадателем делается от всех этих подготовительных средств нечто вроде эпилептического припадка, его спрашивают, и ответ его рассматривается как ответ ками.

Гадают японцы по жареной лопатке оленя, по щиту черепахи (китайский способ). Колдовство – понимаемое в широком смысле – развито сильно. Талисманы и амулеты ставят в ками-симс, наполняют ими дома, носят с собою и на себе. Фаллос и ктенесес почитаются у японцев и символы их имеют мистическое значение (гриб, рыло свиньи – фаллос, персик, боб – ктенесес). Больные и нерождающие женщины ищут у них излечения и плодородия. Очищение оскверненных совершается посредством омовений, огня, соли, риса, через обряд обарай, через

посвящение гохеев и sake. Иногда сам ми-кадо опускал бумажные манекены в воду в знак того, что грех смывается с людей.

Имеются у японцев ямбабосы (пустынники, буквально: горные воины, бойцы за богов и истинную веру). Они славятся как знахари и колдуны. Заклинаниями ямассу они, по их уверениям, могут совершать великие чудеса. Вот, как они лечат больных. Ямбабос симптомы и признаки болезни записывает на кусочках бумаги, кладет эти бумажки в храм, прочитывает над ними заклинания, скатывает в пилюли и заставляет больного глотать.

После чего больной должен запить их или нашептанной водой или водою из какого-либо особого места. При кражах ямбабосы заставляют подозреваемых глотать особые бумажки, скатанные в пилюли (хумано-гао – бумажки с таинственными знаками и изображениями черных птиц – ворон, сорок, дроздов имеют силу отгонять бесов и обыкновенно вешаются пред дверью. Из оторванного из такой бумажки лоскута и делают испытательные пилюли). Пилюля запивается. Если подозреваемый виновен, его замучают рези в животе, и он сознается. Если он прав, пилюля не окажет на него никакого действия.

Существовало у японцев испытание посредством огня (раскаленных угольев). Невинный не опалит подошв. Правоту и неправоту ямбабосы определяли еще через смотрение сквозь пальцы (указательные и мизинцы скрещивают, безымянные и средние вытягивают и соединяют у обеих рук концами. Смотря через такую решетку, ямбабос видит прав человек, или в нем находится лисица – ма).

У японцев имеются священные краски (красная и белая), священное число – 8. Погребение в древности было совершенно аналогично погребению у других народов (с умершим клались пища, оружие, утварь, животные и слуги – те и другие зарывались живыми). Затем с умершим стали класть имитации этого (глиняные фигуры). Теперь труп обособляют. На погребении совершаются религиозные танцы. Душу умершего заключают в ками-симс и поклоняются ей.

Японцы любят праздники, они называют их реби – днями визитов. Праздники они начинают с посещения храма. В храм должно являться настроенным спокойно и приятно (иначе значило бы оскорбить божество). Омывшись и нарядившись, шинтоист приближается к храму, оmyвает руки, затем смотрится в храмовое зеркало. «Как он видит в зеркале свои черты, так боги видят все изгибы его сердца, его души». Шинтоист произносит слова: «Такамо, фараками, годомари», – присоединяет к ним еще какую-либо краткую молитву или не присоединяет, опускает в

храмовую кружку несколько монет, трижды ударяет в висящий пред храмом колокол и затем удаляется. Совершаются визиты, праздничная трапеза. Посещаются места развлечений.

Иногда религиозный элемент празднеств усложняется. Верные приносят в храм приношения: рис, плоды, пиво, рыбу, дичь. Совершается кагура – очистительная жертва. Приносят божеству (всякому) пищу, устраивают религиозные танцы, играет музыка. Совершаются в честь богов торжественные и пышные процессии. То, что кагура представляет в малом виде, представляет в большом обарай – обряд очищения за грехи (по окончании каждого полугодия).

Жрец перечисляет разные грехи, затем обращается с молитвою к ками (ками неба и земли внемлют молитве, а ками рек, водопадов уносят грехи). Жрец расщепляет тростник и ветки в узкие и мелкие полоски и разбрасывает их в разные стороны. Жертва бросается в речку. Она погибает, как грех или как искупление греха.

У японцев празднуются начала месяца, середина (полнолуние) и окончание последней четверти. Они празднуют новый год (начало года, месяца, недели). Этот праздник продолжается три дня (тройной), во время него молят о ниспослании хорошего урожая. Близким в этот праздник доставляют визитные карточки (лаковый ящик с именем доставляющего с тремя опакалами внутри, к каждому из которых привешено авабл – засушенное мясо очень невкусной устрицы – воспоминание о бедности предков). Празднуют 3 день 3-й луны, 5 – 5-й, 7 – 7-й, 9 – 9-й. Дни празднеств считаются несчастными, поэтому в них и не работают и молят богов, чтобы, значит, превратить их в счастливые.

Этот обычай отдавать несчастные дни Господу имеет место не в одной Японии. Рационалистическая теория из этого начала пытается даже вывести празднование субботы. Без сомнения, нужно соглашаться с рационалистами, когда они правы, но, в конце концов, это не будет для них выгодным. Работать, когда не надобно, конечно, вредно, вредно даже простое переутомление. Поэтому раз верно и здраво установлено, что тогда-то не нужно работать, попытка нарушать это запрещение, в общем (исключения допустить необходимо) будет влечь за собою несчастные последствия. Такие дни окажутся несчастными. Так, по-видимому, какой-то опыт заставляет народы бросать занятия в седьмые дни, воскресенье становится праздником и у мусульман и у японцев.

С некоторыми из перечисленных празднеств связаны своеобразные легенды. Так, с праздником богине богатств (3 день 3-й луны) сказание о женщине Бунзио, молившей богов о даровании ей детей и снесшей 500

яиц. Сочтя это демонским наваждением, она заключила их в ящик и бросила в птичью реку. Старая чета нашла этот ящик. Старуха думала, что грех брать чужое добро и посоветовала бросить ящик назад. Но старик рассуждал иначе и решил искусственно вывести из яиц цыплят. Вместо цыплят вышли мальчики. Когда они выросли, стали разбойниками. Им посоветовали ограбить дом Бунзио, но вместо того чтобы грабить, они явились туда со скромной просьбой о пище. Бунзио приняла их и их история разъяснилась. Далее, она стала богиней, а они – святыми.

Рисовые пироги с начинкой из чернобыльника, прикрытые абрикосовыми ветвями – символическая пища этого праздника, напоминающая о том, чем Бунзио накормила при свидании своих детей.

К другому празднику приурочивается сказание о потопе (5 день 5-й луны). Нечестивые жители одного острова около Формозы, занимавшиеся приготовлением фарфоровой посуды (као-лин), так разгневали богов, что боги решили потопить остров, но спасти его благочестивого царя – Пеирууна. Ему было сказано, чтобы он отплыл с острова, когда у двух идов – созидателя и разрушителя – покраснеют лица. Пеируун призывал всех исправиться, сообщил о признаке приближающейся гибели. Над ним смеялись и вымарали лица идолов красной краской. Увидев, что идолы покраснели, Пеируун отплыл, а остров погрузился на дно моря.

Есть у японцев праздники в честь предков (еще в честь богов царствующего дома), праздники, связанные с событиями в природе (жатвой), празднества в честь разных богов (напр. охоты). Почитаются духи и, во всяком случае, с ними вступают в сношение («они» – полулюди – злые духи, «тенгу» – духи стихий – безвредны). К культу предков примыкает культ святых или героев (так почитается Миши-занше бывший министром, умер в изгнании в самом начале X в. Император Ожин и др.).

К праздникам у японцев приурочиваются семейные события – наречение имени новорожденному, помолвки, свадьбы. Указывают на следы почитания огня. Их хотят видеть в праздничных иллюминациях, в зажигании лампадок на Ками-симсе, в устройении новых очагов пред новым годом, в прохождении чрез огонь (без обуви), имевшем значение испытания невинности (как мы указали, делается это у яммабосов). Существует почитание деревьев.

Почитаются и животные. В отношении к некоторым из почитаемых животных обнаруживается двойственность: то за ними ухаживают, то их избивают. Двойственно отношение к лисице. Японские легенды нередко представляют ее превращающуюся в красавицу, становящуюся женою царя и потом обличаемую. Так есть сказание, что лисица, преследуемая

охотниками, бросилась на грудь к царю и доверчиво прижалась к нему. Царь сжалился над бедной лисичкой и защитил ее. После к царю явилась дева необыкновенной красоты. Он женился на ней, она родила ему сына Аби о-Сеimei, японского мага, но сама потом превратилась в лисицу.

Другая легенда рассказывает, как японский принц женился на необыкновенной красавице, любил ее, проводил все время около нее, покидая ее лишь для охоты. И вернувшись однажды, он вошел в спальню и крайне удивился: жены, которая должна была быть там, не было. Еще более удивился он, увидев, что на роскошных подушках, расшитых хризантемами, спит большая странная лисица. Он пустил в нее стрелу, но так как он был взволнован, то стрела только оцарапала лоб лисицы. Та вскочила и выскочила из спальни. Принц объяснил себе все случайностью и удалился. Вернувшись вечером, он увидел у жены царапину на лбу. Без всякого умысла спросил он ее об этой царапине. Зловещий огонек заблестал в ее глазах. Жрец произнес над нею заклинание, и вместо прекрасной супруги принц увидел перед собою страшную лисицу с царапиной на лбу.

Так, лисицы способны становиться оборотнями, лисицы обманывают и очаровывают людей, но лисицы дарят им и прекрасных сыновей и лисицы посвящены богине земли, богине обилия. Лисицы находятся под покровительством бога Инари. Двойственно также отношение к змеям, их избивают порою, но порою их засушенные останки почитаются как святыня.

В Нагасаки весною бывает праздник змей. Где праздник у японцев, там и ярмарка, танцы, зверинцы, гулянья. На празднике змей японцы занимаются пусканием змей и своеобразным состязанием при этих пусканиях. Цветные и разрисованные бумажные змеи, достигающие размеров квадратной сажени, высоко и красиво парят в воздухе, они пускаются на нитках, натертых стеклянным песком. Задача пускающего состоит в том, чтобы перерезывать своим змеем нити других змеев, а самому оставаться невредимым. Японцы – изумительнейшие жонглеры в мире и понятно, что устраиваемое ими состязание змеев – требующее очень много специального искусства и в то же время изящное – доставляет много удовольствия зрителям.

Требовалось порою почитание собак. Относительно этого существует такой анекдот. Царствовавший микадо был рожден под созвездием собаки. К собаке требовалось великое почтение. Издохших собак нужно было хоронить с особыми почестями на горах или на высоких местах. Два носильщика в жаркий летний день тащили труп собаки на гору. Один из

них начал ругать закон, повелевающий так почитать собаку. «Молчи», – сказал другой. «Хорошо еще, что микадо родился под созвездием собаки, а что если бы он родился под созвездием быка».

Почитают в Японии петуха, как посвященного божеству солнца. Почитают белого коня. Эти животные и птицы часто содержатся при храмах, и благочестивые посетители приносят им корм.

Развито в Японии паломничество по святым местам. По-видимому, оно, главным образом, имеет характер развлечения и может быть только для немногих оно является исключительно религиозным делом. Когда паломник отправляется из дому, у дверей его дома вывешивают веревку, обернутую белой бумагой. Это – знак всем понятный, им отказывается посетителям и запрещается приближаться к дому оскверненным. Паломники путешествуют в белых балахонах, тростниковых шляпах, с длинными посохами, бедные несут с собою нужный скарб. На шляпе или на спине балахона у богомольца вышит его адрес. Но совершают паломничества и так, что они приобретают характер исключительно веселого пикника.

Место главных святыней Японии есть Иссе. Туда идут толпы богомольцев из всех углов Японии во всякое время года, но особенно они стекаются туда весною. Иссе называют шинтоисским Иерусалимом или Меккою. Главное божество, которому посвящены храмы Иссе, есть Тенсооко. Его храм называется Дайзинь (жилище великого бога), его называют Иссие-миа (жилище живой души: как душа живет в теле, так Бог – в храме). Храм этот очень древен и прост. В Иссе хранится зеркало, которое по сказанию Аматеразу дала Ниниги, когда послала его на землю.

Около храма в Иссе в маленьких часовнях живут канузи (прислужники храма, имеются еще «нечи» – толкователи слова божьего и «тайе» – странноприимцы, заботящиеся о приходящих). К канузи приходит пилигрим, кланяется в землю, от него он может получить проводника, который потом водит его по святыням.

Важнейшие храмы в Иссе – в Геку и Найку. Странствуя по святыням, паломник доходит до того, что представляет собою, так сказать, святое святых шинтоизма (шаден – святилище богов). Представим себе платформу, поддерживаемую устоями в шесть футов высоты. На этой платформе стоит здание около пяти сажень в длину и двух с половиною в ширину, оно построено из простого дерева без всяких украшений. В нем помещаются четыре некрашенных деревянных ящика, в каждом находится зеркало, завернутое в газетовый чехол, ящики прикрыты шелковой тканью. Вот, что соответствует покрывалу Изиды в шинтоизме.

Поклонившись главной святыне, помолвившись, паломник покупает о-хараи (для себя, близких и знакомых; о-хараи похожи на папиросные ящики 6*3*1,5 вершков, внутри – тоненькие палочки, обернутые бумагой), другие талисманы (куски дерева от священных построек, рисовые почки, принесенные в жертву богам). Эти святыни разносятся из Иссе по Японии и их можно постоянно встречать в частных домах. Богомольцам в Иссе показывают священную пещеру, в которой скрывался Тен-сооко-Дайзинь, в доказательство того, что он не нуждается ни в лунном, ни в солнечном свете, что он сам есть бог.

Паломничество в Иссе завершается празднествами, кутежами и даже оргиями в близ лежащих городах Фурумичи и Ямато.

Шинто знает и пустынников и аскетов. Таковы яммабосьг, о которых уже шла речь. Они распадаются на ордена, у них требуются тяжелые подвиги – голод, купанье в ледяной воде, поднятие на высокие горы. Они обязаны совершать восхождение на гору Фучи-Яма. С горы открывается великолепный вид восходящего солнца. Может быть, отсюда и название Японии – страна восходящего солнца. Существуют, кроме яммабосов, и иные религиозные общины среди шинтоистов, например, община слепых.

Шинтоизм был древней национальной религией Японии и в 1868 году снова в ней стал государственной религией, между тем как пред этим временем в Японии возобладал буддизм. Но замечательно, что это правительственное покровительство при возникшем в Японии строе по самому существу стоит в противоречии с принципами шинтоизма. В Шинто важную роль играет догмат микадизма. Этот догмат очень сходен с конфуцианским воззрением на китайского императора, но идет еще далее его в представлении о прерогативах правительственной власти. Микадо – бог, сын неба.

В Китае допускается, что он может отступать от воли веба и тогда можно идти против него. Японцам не чуждо воззрение, что воля микадо божественна сама по себе. Сидит микадо на своем троне, в своем дворце спокойно, спокойно и в стране, повел он бровями, и понеслись облака. Это, конечно, уже крайнее и метафорическое представление дела. Но культ микадо и культ его предков – вовсе не метафора. Из этого религиозного догмата, конечно, само собою следует догмат абсолютизма власти микадо.

Но на практике дело свелось к тому, что микадо, в сущности, не имели власти и не управляли. Управляли شوгуны – своего рода японские мажордомы. А микадо только царствовали и принимали божеские почести. В 1868 г. такому порядку вещей был положен конец. Муцу-хито,

ставши микадо, принял действительную власть. Он приобщил Японию к европейской и американской культуре, заботясь в то же время, о сохранении национального духа, он стремился упрочить национальную религию и, ставя выше всего нацию, он учредил конституцию.

Здесь и открывается противоречие с шинто. Обожествляется не воля микадо, а воля народа, по отношению к которой микадо нередко является лишь исполнительным органом. Почитание богов, патриотизм, ясное понимание велений совести и их исполнение, почитание микадо и исполнение его воли – вот что требовалось от японцев в возрожденном шинтоизме. Но последнее из этих требований теперь отвергнуто, а остальные – так эластичны, что в них можно вложить и буддийское и христианское мирозерцание.

Действительные основы шинтоизма, это – голос совести и требования традиции. Но голос совести не характеризует шинтоизма, как не характеризует никакую национальную религию, он – общечеловеческий, а не племенной. Силе японской традиции грозит, по-видимому, одна способность, присущая японцам в высокой степени – способность к подражанию. Сознание необходимости подражать культурным народам, соединенное со способностью к такому подражанию, очень скоро эмансипирует их от древне-отеческих религиозных представлений.

Но если шинтоизм только в будущем исчезнет из обихода религиозных воззрений японцев, то его исчезновение с поверхности японской жизни, отступление вглубь началось уже давно. На почву Японии пришли с материка из Китая проходом, главным образом – через Корею, три китайские религии – конфуцианство, таоизм и буддизм.

Но конфуцианство есть главным образом позитивная мораль и теория государственного уклада, но не религия. Повлияв на порядки и нравы Японии, оно не коснулось ее верований. Таоизм существовал в Китае в двух формах – в форме возвышенно метафизической. Она была недоступна японцам. И в форме грубо шаманистической. В этом виде она примкнула к культу Ками. Пришел из Кореи в Японию и буддизм. Он сказался на ее жизни гораздо более могучим влиянием.

Основные положения буддизма очень просты. Буддизм не признает ни творца, ни творения. Мир вечен, он всегда существовал и будет существовать. Мировая жизнь представляет собою вечный круговорот. Пройдя четыре последовательных периода: образования, развития, старчества и разрушения и закончив свое бытие превращением в хаос, мир через некоторое время опять начинает проходить все те же периоды.

Продолжительность каждого из этих периодов равна 84 000 лет. Она

называется «Кальпа». В каждую кальпу является свой Будда (т. е. просветитель), открывающий тварям истину. В настоящее время мир находится в периоде старчества и значит Будда настоящего периода – Гаутама – есть третий будда в действительном мире. Душа бессмертна и совершенно отлична от того вещества, с которым живет в соединении. Вовлеченная в вихрь жизни, душа проходит серию последовательных существований, переселяясь из одного тела в другое, живя в условиях более или менее счастливых.

Благополучие или неблагополучие в жизни роковым образом определяется тем, что сделал живущий в своем предшествовавшем существовании: за добродетель он получает в удел счастливую жизнь и его душа воплощается в существах высшего ранга, за преступление он получает в удел страдание и воплощается в каких-либо низших тварях. Этот закон возмездия называется Карма (последовательность действий). Согласно этому закону, преступная душа может воплотиться в теле демонов, животных, а в наказание за великие преступления может быть низведена в один из восьми существующих типов ада. Но ад не вечен. Претерпевши в нем должное наказание, душа опять начнет ряд переселений и опять может подняться по восходящим ступеням: воплощаться в животных, человек, гениев, бодисатв и, наконец, после последнего воплощения под человеческою формою может войти в нирвану – вечный покой, конец всех переселений.

Ступени, по которым может совершаться процесс метемпсихозиса, называются у буддистов десятью мирами:

1) Мир Будды или Нирвана; 2) Мир бодисатв или тусита; 3) Мир бодисатв или брамы; 4) Мир высших гениев и нага; 5) Человеческий мир; 6) Мир низших гениев – азуров; 7) Мир демонов – якса; 8) Мир алчных – якса; 9) Мир животных; 10) Мир ада.

Под этими мирами разумеются не области пространства, а состояния души. Блаженный конец, о котором вздыхают и к которому стремятся все души, называется нирваною. Достигнуть нирваны – значит освободиться от страдания и скорбных условий бытия. Тот, кто достиг нирваны, не может возрождаться более, он освобожден от зла навсегда. Такое определение нирваны естественно подсказывает отождествление ее с небытием, однако буддисты говорят о блаженной нирване, о сохранении личности и спасении в нирване. Некоторые учат, что блаженство нирваны можно вкусить уже в настоящей жизни. Запутываясь в определении нирваны, буддизм очень определенно учит о том, как ее достигнуть.

Сущность этого учения носит имя «ариани катиань» – четыре

превосходнейших истины: 1) существование есть зло, потому что всякое существование есть беспокойное желание, потребность наслаждений и при наслаждениях томление по новым наслаждениям. Бытие есть вечная смена явлений, в котором каждая форма возникает лишь затем, чтобы снова распасться, как водяной пузырь. Юность есть ничто, потому что она превращается в старость, красота есть ничто, потому что она исчезнет, как метеор; здоровье сменится болезнью, жизнь – смертью; но – и в этом заключается величайшее зло – и смерть есть ничто, так как она ведет к возрождению, к обновленному бытию, к новому кругу скорби и страданий.

2) Какая причина существования и различных родов существования? Причина увековечения скорби есть та же самая, как и причина скорби вообще. Все отдельные страдания суть не что иное, как задержанные жизненные стремления. Но жизненные стремления в их бесчисленном разнообразии в своей сущности представляют различные формы проявления одного и того же стремления к существованию, стремления к бытию и его сохранению. Таким образом, стремление к бытию есть основная сила, побуждающая к постоянному обновлению скорби. Стремление к жизни обуславливает возрождения, а закон возмездия (карма) определяет их характер. Пока человек не знает истины, имеет страсти, дурные наклонности, пока он привязан к вещественным предметам, он будет возвращаться, и не выйдет из самсары (кругового бытия).

3) Вторая истина говорит о том, что производит бытие, третья – о том, что его может уничтожить. Причина бытия – желание, угашение желаний есть уничтожение бытия. Пока мы в своей воле и желаниях будем стремиться иметь мысли и чувствования, дотоле мы не будем владеть истинным покоем. Только в совершенном ничто, где нет ни мышления, ни немышления, мы совершенно освободимся от скорби бытия.

4) Какая дорога ведет к этой цели? Уничтожение зла, исполнение всякого добра, кроткая настроенность собственных мыслей.

Пять главных заповедей дается относительно зла: 1) не убивай (даже и животных), 2) не воруй, 3) не прелюбодействуй, 4) не лги 5) не употребляй опьяняющих напитков.

Относительно добра повелевается: будь снисходителен ко всякой твари. «Мой закон», – говорил Будда: «есть закон милости для всех. Как вода очищает все и омывает доброе и злое, и как неба довольно для всех, так и мое учение не знает различия между мужчиною и женщиною, знатным и незнатным, судрой и браманом». Не только к людям, но и к животным и насекомым нужно питать жалость и избавлять их от

страданий. Существуют буддийские богадельни для ухода за гадами.

По отношению к себе должно побеждать все свои влечения и привязанности. «Кто победит самого себя, тот есть лучший повелитель; его победы не может у него отнять никакой бог, и никакой демон. Никакой огонь не сильнее желания, никакой плен не сильнее ненависти, никакая сеть не крепче страсти... Вырывайте самый корень желаний... Да подавляет человек в себе гнев, да подавляет высокомерие, разрушает всякие преграды. Гнев не утишится гневом, но – смирением».

В других правилах говорится: «Любовь приносит скорбь и потеря возлюбленных тягостна; поэтому такая скорбь должна остаться далеко от тех, которые вступили на путь спасения. Эти принципы морали не отрицают мира (хорошо помогают живущим в мире), но они подсказывают, и что лучше оставить мир для самоусовершенствования и созерцания. Допуская существование буддистов мирян, система, однако, отдает предпочтение буддистам монахам.

Буддийские миряне носят название хозяев, подавателей милостыни и слушателей (учение, упасака). Буддисты, порвавшие для усовершенствования с семейною и мирскою жизнью, называются срамана – святые, бикшу – нищие, монахи, достигшие сравнительно высшей степени усовершенствования – аргаты – достопочтенные. Достигшие высшей степени святости, называются бодисатвы. Это кандидаты в Будды; им нужно еще только одно рождение, они достигнут нирвавы. Тогда два пути открываются перед верным. Если он, побуждаемый жалостью и любовью к ближним, желает спасти не только самого себя, но и помогать своим ближним в деле спасения, он становится буддою совершенным. Но если он довольствуется личным спасением и не думает о спасении других, он становится пратиека – Будда. Он достигает нирваны, но у него нет власти совершенных будд, он не есть «благословение для мира».

Будды это люди, ставшие богами. Они бессмертны, погружены в экстаз нирваны и свободны от всех человеческих скорбей и слабостей, добрыми решениями и силою своей воли помогают людям, которым они внушают нужное в деле освобождения от связей с самсарою. Они имеют власть над природою, могут изменять и исправлять законы, но они, как и никто, не могут ничего творить. В северных буддийских сектах школы махаяна, над этими человеческими буддами – макуши – будда – помещают еще пять диани – будд – будды созерцания. Они существуют сами собою раньше образования мира, они руководят человеческими буддами. Особенно замечателен из этих дианий-будд – будда Амитабха. Он представляется божеством погребальным, направляющим умерших в

низший рай – сукхавати. В некоторых сектах во главе иерархии этих несозданных будд ставится Ади-будда. Диани-будды его собственного существа, чтобы иметь в них своих помощников в трудном деле вести существа к спасению.

Наибольшую известностью из дианий-бодисатв пользуется Аволонтитесвара. Он родился от взгляда Амиабхи. Это божество представляется обыкновенно в образе женщины Кван-ин, которое пользуется еще большею популярностью, чем Амиабха. Сострадательная богиня, она обещала проявляться во всех бесчисленных мирах, чтобы спасти их обитателей. С целью спасения она посещала и ады. Вот одна из популярных молитв, с которою обращаются к ней: «Пусть всевидящая и всемогущая Кван-ин в силу своего обета придет сюда на наши молитвы и избавит нас от трех препятствий» (нечистых помыслов, слов и поступков). Стараясь всех привести в рай Амиабхи, Кван-ин заботится и о земном благополучии людей. Она считается подательницей детей, и ее изображения, указывающие на это ее значение, весьма сходны с изображениями мадонн. Славословия в честь ее, или вернее – заклинания ее именем, по-видимому, должны помогать в самых различных случаях. «Слава доброй, сострадательной Кван-ин. Если бы я был брошен на груды ножей, они не повредили бы мне. Если бы я был повержен в огненное озеро, оно не сожгло бы меня. Если бы я был окружен голодными духами, они не тронули бы меня. Если бы я был отдан во власть демонов, они не коснулись бы меня. Если бы я был превращен в животное, и тогда я попал бы на небо. Слава сострадательной Кван-ин».

Большое значение имеет еще Майтрейя (Ми-ли-фо) – Будда будущего, к которому обращаются упования буддистов уже в настоящем. Все боги браманизма принимаются буддизмом, но они поставляются ниже будд и бодисатв. Они признаются святыми существами с очень ограниченной властью и силою. Южный буддизм называется школою Хинаяна – малой повозкой. Это название намекает на его сравнительную простоту и ограниченность требований. Несомненно, он ближе к первоначальному буддизму, его пантеон беден, его догматы яростны, культ развит несравненно меньше. Он распространен на Цейлоне, в Камбодже, Бирмании и Сиаме.

Северный буддизм называется школою Махаяна – большая повозка. Он возник, должно быть, в Северной Индии (в настоящее время в Ост-Индии нет буддистов) и отсюда распространился по всей восточной Азии. Он имеет сложную догму, сложный культ, богатую иерархию. Его монахи и жрецы дают обет целомудрия, бедности, повиновения высшим.

Им запрещается есть мясо, пить вино и возбуждающие напитки. Они должны соблюдать частые и крайне суровые посты. Они живут в вихара, что можно приблизительно перевести – в монастырях. Они поют священные песни, читают священные книги, совершают религиозные обряды над новорожденными, при браках и похоронах. Обучают новичков, переписывают священные книги, делают предметы для религиозного употребления (статуэтки и т. п.). Нередко они – астрологи, алхимики, предсказатели.

Одно из принципиальных различий школы хинаява и махаява состоит в том, что хинаяна в деле достижения человеком нирваны устраняет божественную благодатную, вообще сверхъестественную помощь. Человек лишь собственными усилиями идет к нирване. В махаяне сверхъестественная помощь играет великую роль – мистические обряды и суеверия, торжественные богослужения играют большую роль в махаянском буддизме. Только в Китае внимание буддистов останавливается, главным образом, на мистической сущности, а в Японии – на внешней торжественной и занимательной ее оболочке.

В Японии – множество буддийских идолов. Они, как и в других странах, характеризуются громадностью, чудовищными особенностями и безобразием. Но все эти их черты не мешают другим сторонам культа быть эстетическими. Они – эти идолы – освящены древностью и вера в них видит не их грубую внешность, а их высокую внутреннюю сущность. В Индии размеры идолов Будды определялись по такому масштабу. Указывали где-либо отпечатавшуюся ступню Будды размером в косую сажень, по закону о пропорциях человеческого тела делали расчет, каков должен быть Будда, и воздвигали громадного идола. Громадные идолы Будды находятся и в Японии, например, гигантский идол в Киото. Для выражения идеи восточная фантазия не стесняется прибегать к грубому символу. Божество милосердия, чтобы успешно помогать, должно обладать множеством рук. Его и наделяют таковыми. Изображение выходит чудовищным, между тем оно должно было служить выражением доброй мысли. Наконец, предмет тем более священен, чем более он древен, между тем искусство, чем древнее, тем хуже. Отсюда древние изображения Кваннон (японское название, тождественное Кван-ин – китайскому) безобразны. Почему о японцах и говорят, что в награду за все добро, получаемое от доброй богини, японцы наделили ее мерзкою наружностью.

Храм этой богини в Токио есть одно из самых величественных буддийских сооружений в Японии. Буддийские храмы бывают

обыкновенно окружены двором, в который ведут одни или двое ворот. В воротах стоят два идола, выкрашенные один в красную, другой – в зеленую краску. Это – стражи храма, стражи 4-х стран света, красный и зеленый дьяволы. Вид их очень непривлекателен. В других воротах, если таковые бывают, ставятся изображения грома и ветра.

В токийский храм Кваннон ведут двухэтажные ворота в десять сажен высоту. От ворот уже выступают обетные приношения. Гигантские и безобразные соломенные сандалии, повешенные на решетке у входа, свидетельствуют о благочестии какого-либо крестьянина, исцелившегося от болезни ног благодаря Кваннон. По двору ходят петухи, куры, голуби. Они кормятся благочестием богомольцев. Развешены афиши и рекламы разного рода (о хорошей водке саке). На дворе находится бассейн, где совершаются умовения. Висит большой колокол. Устроена семиэтажная пагода с высоким шпилем и со множеством колокольчиков. Устроено здание для приема пожертвований. Алтарь Кваннон помещается в прекрасном здании и отличается богатством и роскошью. Курильницы, светильники, живые цветы стоят пред идолом богини. У Кваннон множество глаз и рук (чтобы все видеть и всему помогать). Благочестивый почитатель богини пишет свое прошение на бумажке, скатывает ее в шарик, кладет в рот и, растворивши в своей слюне, плюет на идола. Доплюнет он (алтарь идола отделяется решеткой от части храма, где находятся богомольцы), можно надеяться, что богиня исполнит его просьбу.

В храме Кваннон в боковых помещениях находится много других идолов. Большим почитанием пользуется Бинзуру – один из 16 учеников Будды, буддийский эскулап. Соответствующее больному место нужно потереть у идола, затем – у больного, и ждать выздоровления.

Богослужения торжественны. Бонзы – буддийские жрецы служат в шитых золотом облачениях. Освящение хлебов, воскурение фимиама, возжение светильников, употребление колокольчиков, религиозная живопись – все это в буддийских храмах напоминает о христианских, особенно – о католических. От храмов (Миа) чистого шинто буддийские храмы (тера) отличаются значительно. Вместо тории – красный и зеленый диавол, колокольни (навес с большим колоколом и пагода с колокольчиками), вертящаяся библиотека, в которой заключены все канонические буддийские писания (Рин- цо), идола, реликвии.

Около буддийских храмов, как и около шинтоисских, держатся постоянные или временные ярмарки со всем тем, что делается, показывается и продается на ярмарках.

Буддизм в Японии, как и в других местах, раздробился на много сект и подсект. Вот наиболее выдающиеся секты, к которым приближаются остальные, как их разветвления.

Секта Тендаи – одна из самых древних. Она возникла в Китае, где основателем ее считается Эмон (из монастыря тиен-таи). В Японии ее учение распространил Денгниоодаисси. Эта секта допускает возможность для каждого достигнуть нирваны. Она допускает, что блаженство или состояние нирваны человек может испытать уже в этой жизни. Она отрицает необходимость для спасения монашеского состояния и перевоплощений. Наиболее почитаются ею Шакия-муни и Куаннон. Куаннон вообще изображается под образом женщины, но этот образ есть одна из форм божества, но не его сущность. Оно является и в юношеском образе. Принцип его мыслится мужским. Оно называется и Эманацией и сыном Амиды. Шинтоисские ками вошли в сферу японского буддизма. Тендаи почитает из них Бисхамов и особенно Бен-Тен, божество острова Энозима; это – японская Венера. Она считается покровительницей мореплавателей. Иногда ее смешивают с Куаннон. Эта секта очень древняя, очень богатая. Она владеет массой идолов и образов.

Секта Цен-сиу – китайского происхождения (основана в Китае Дармой, имя по индейски значит «закон») и на японской почве, куда перенесена До-гуеном, наиболее сохранила китайский характер. Шакия-муни и Куаннон, как и в секте Тендаи, играют главную роль. Зато Амида совершенно стусеивался пред другими богами у буддистов этого толка.

Секта Шин-гон. В Китае основана Кей-гуа. В Японию привезена жрецом Кео-боо-даи-сси. Он изобрел для японцев курсивное письмо и именно с его времени буддизм стал распространяться в Японии. Любопытны ее Мандара – полная совокупность – символ вселенной, которая олицетворяется в буддах⁵. Оказывается, по этой концепции вселенной, что и демоны вовсе не враги, а помощники и служители дела Будды. Концепция собственно общечеловеческая: демоны преследуют грешника и, тем самым, направляют его на путь правый. Секта Шингон выше Будды ставит Даината-пиураи и Розану, две формы Ади-Будды. Важную роль играет в ней Куаннон. Шингои первая ввела шинтоисских каи в буддийский пантеон (Анцен-мио-о, Фудо-мио-о).

Секта Хокке-сиу. Ее основал Ничирен. Сын бедного рыбака, он был желанным ребенком и его назвали Зенничи-маро – доброе дитя солнца. Его рождение и детство житие окружает чудесами. В 12 лет он был отдан в буддийский монастырь, где всех поражал благочестием и мудростью. В 16 лет он стал монахом, получив имя Ревчо. Его мучил вопрос о буддийском

сектантстве: морская вода имеет лишь один вкус, почему же в учении Будды могут быть два пути? Во время таких размышлений с ним однажды случился припадок, кровь пошла из его горла. Теперь на том месте показывают бамбук с красными крапинками на листьях. В Нирване – сутре он нашел изречение: верь слову, а не человеку. Изучая священное слово, он узнал, что последним произведением Будды считается саддарма пундарика сутра (руководство или сутра лотоса таинственного закона). То, что вышло от Будды последним, должно быть самым совершенным. Должно быть, содержание сутры представилось ему соответствующим его предположению, и он решил указывать всем на эту сутру, как на полноту истины. Он был в разных монастырях, подвергал себя великим подвигам, видел знамения, получал откровения и, назвав себя Ничирен (лотос солнца), выступил с проповедью. Его житие представляет, что он испытал много страданий, преследований, чудесно был избавлен от смерти, был в изгнании, но умер во славе. На алтаре храмов Ничирена обыкновенно стоит Сам-бо: буддийская троичность: Будда, дарма, санга, т. е. Будда, закон, община (церковь).

Община изображается тоже в виде Будды, дарма – в виде таблицы, помещающейся между двумя буддами, на ней написано: «Наму-мио-хорен-ге-кио», – поклонение лотосу доброго закона. Это – главная молитвенная формула в секте Хакке-сиу. Читая ее, последователи ударяют по числу слогов в такт в барабан. В этой секте почитаются многие индийские боги – Брама, Индра, Гаруда (гриф, жар-птица, получеловек, полуптица, солнечное божество, на нем изображается Вишну). Почитаются буддизированные Kami (мио-кен – божество полярной звезды, Марисси-тек – бог войны, богиня Кизимоцин и тысяча ее дочерей). Всякая тварь, по учению этой секты, может дойти до состояния Будды. Рай представляется ею очень чувственно.

Силен в ней элемент мистицизма. Так, у этих сектантов существует церемония Каи-ген – открытия глаз. Задача обряда состоит в том, чтобы ввести душу божества в его изображение. Наибольшее процветание этой секты падает на 16-е столетие. Теперь этих сектантов насчитывают до 2 миллионов и у них до 5 тысяч храмов.

Секта Джо-до. Китайским основателем ее был Зен-до. В Японии ее распространил Гонен. Эта секта владеет роскошным монастырем в Киото и замечательными мавзолеями в Токио и Никко. Верования этой секты вращаются, главным образом, около подземного мира. Главное божество, к которому обращены взоры его последователей, это – Амида-дарма-датсу или Амида второго рая (Сукхавати). Сукхавати ниже нирваны, но за всем

тем – очень завидное место обитания. Содеятелями Амиды являются Куаннон и Сейзи – божество по своим свойствам представляющее удвоение Куаннон (Сейзи олицетворяет жалость и молитву).

Специальный образ пантеона Джо-до. Это – Иццо никогда не спящий, охраняющий души маленьких детей. Он исполнен милосердия; его голос нежен, как голос голубей на горе Хаза; его любовь безконечна, как воды моря. Есть Зай-Нокавара – ложе реки, несущей души в Сукхавати. Переносит и она детей. Во время пути от демонов их охранял приветливый старец, сердце которого всегда юно. Духи Они препятствуют детям достигать рая и приходится детям по нескольку лет жить в ложе Зай-Нокавара. Плачут здесь дети о матери, давшей им жизнь, об отце, ласкавшем их, о братьях и сестрах, игравших с ними. Они кричат: «Хихи коиши» и «Хаха коиши» и из маленьких камешков складывают башенки для молитвы за ласковую мать, отца, братьев и сестер. Они пугают детей. Но Иццо успокаивает и убаюкивает их. Дети могут страдать за грехи, допущенные в предшествовавшие существования. Иццо может им дать участь лучшую той, которую они заслуживают, как равно может облегчать участь и других умерших, если они обращаются к нему.

Важное значение в деле спасения играет мистическая формула: наму Амида-Бутсу – почитание (почет) Амиде Будде. Пред теми, кто произносит эти слова с верою и любовью, открывается дверь Сукхавати. Ад в секте Джо-до считается вечным. Сильно развито ханжество; повторяя мистическую формулу, стоят верующие с четками в руках и с небольшими деревянными барабанами, в которые стучат в аккомпанемент своей однообразной молитве.

Из секты Джо-до вышла секта Шиншу, основанная жрецом Шинраном. Здесь тот же Амида, Куаннон и Сейзи и та же мистическая формула и та же надежда на безграничное милосердие будды. Но выйдя из секты, где все сводилось к вере, Шиншу в принципе свела все к морали. Духовные шиншу не обязаны быть безбрачными, они женятся, обыкновенно духовные должности наследственны. Они употребляют мясо. Посты, паломничество, аскетические подвиги не одобряются этою сектою. Миряне должны делать добро, почитать Амиду и молиться ему, повиноваться законам своей страны. Женщина, не возрождаясь в теле мужчины, может, по Шиншу, непосредственно достигнуть рая. Ад, по представлению Шиншу, не вечен.

Теперь Шиншу насчитывает в Японии до 19 тысяч храмов. Земельной собственности у сектантских духовных нет, доход их составляют приношения верных.

Секта Шиншу делает значительный шаг от мистицизма веры к рационализму дел. Имеется теперь в Японии рационалистический буддизм и в чистом виде совершенно аналогичный рационалистическому христианству, создавшемуся в Европе и Америке. Как у некоторых принадлежавших к старокультурным народам развилось воззрение, что Христос – высокогениальный и высоконравственный человек, правилам морали которого в общем (но не в деталях) должно следовать и теперь, так совершенно аналогичное воззрение возникло и в новейшем японском буддизме. Будда – высокогениальный и высоконравственный человек, правилам морали которого в общем (но не в деталях) должно следовать и теперь.

Из секты Шиншу возникла ассоциация юных буддистов, воспитавшихся на новейшей науке и приложивших к своей науке тот рационалистический метод, который стремится тщательно выяснить и восстановить все мелочи и детали религии и забывает лишь о ее существовании. На парижском конгрессе 1900 года два японских ученых Чикадзуми и Фужишима делали доклады о японском буддизме. Краткое обозрение его исторических судеб дал Чикадзуми. Буддийским Константином Японии (сравнение Чикадзуми) был князь Шотану.

Буддизм в Японии пережил 5 периодов. Детства (552 – 793). Период подражательности, период большого значения внешнего, чем внутреннего. Жизнь пяти чувств, а не души. Юности (798 – 1178) – период кипучей энергии и широкой любознательности. С большими опасностями совершались путешествия для приобретения буддийских документов. Мужества (1174 – 1331). Период погружения духа в себе предвыступлением в дело. Так пребывали в уединении пред началом проповеди Будда, Христос, Магомет. Зрелости (1331 – 1602). Эпоха разработки учений, давшая много знаменитых вождей сект. Старости (1602 – 1867). С внешней стороны буддизм стал господствующей религией Японии, с внешней стороны он стал прекрасно организованным, но с ним случилось то же, что с христианством в средние века: в нем исчезла живая вера, и он стал разрешаться в церемонии.

Политическая эпоха, начавшаяся с 1868 года, дала толчок возрождению буддизма. «Не изучайте наш буддизм», – закончил Чикадзуми: «как религию древнюю и не полагайте в одной этой цели удовлетворение вашей любознательности, но изучайте ее, как религию живую, даже как религию нынешнего дня. Итак, мы находимся во втором детстве этой всемирной религии XX века, полюбите ее, как любят маленького ребенка, и за это мы будем вам весьма признательны, во имя

блага человечества и открытия истины».

В своем делении истории буддизма по возрастам Чикадзуми подражал Гердеру и в своем изложении постоянно обращался к аналогиям из религиозной жизни Европы. Буддизм распространился в Японии не без борьбы. На него воздвигали гонения шинтоисты. Утвердившись, буддизм сам стал оказывать давление на шинтоизм. В процессе борьбы религии делали одна у другой заимствования, но буддизм явно делал их несравненно больше. Японские Kami принимались им довольно благосклонно. И духи и боги шинтоизма входили в пантеон буддистов. Так в секте Тевдай, мы видели, богиня Бен-тен приобрела даже широкое почитание и возвышалась почти до значения Куаннон. Но в шинтоизм буддийским богам проникать было нелегко. Причиной этого является уже то, что у шинтоистов не было идолов. Затем вся система сказаний и верований будизма не подходила к шинто. Но постепенно и на нее буддизм стал налагать свою печать. Любопытнейшим и наиболее важным плодом столкновения буддизма и шинто явилась риобу – своего рода униатская религия в Японии.

Риобу – буддизированное шинто, боги остались старые, но приобрели буддийские черты и стали изображаться и представляться с человеческими телами и лицами и вообще в виде идолов. Аматеразу изображалась в виде воина с саблей, Инари, бог жатв – с серпом и рисом в руках, часто он изображается стоящим на лисице. На лисице изображается Тенгу, божество гор, с саблей и шнурком. Имеет Риобу идола Бен-тен, богини красоты и красноречия, ей дается символ тории – чисто шинтоистический. Когда при последней революции восторжествовало шинто, риобу потерпела больше, чем буддизм. Буддисты могли оставаться буддистами, но буддийским священникам запрещалось выполнять шинтоистические обряды. Подверглось преследованию смешение, амальгама вер.

В настоящее время в Японии приблизительно считают 28 миллионов буддистов и 17 миллионов шинтоистов (риобу должно входить в состав шинтоистов). Остальная незначительная часть населения (миллиона два) исповедует конфуцианство, таоизм, христианство.

Из трех государств восточной Азии близких между собою по многим связям и теперь приковывающих к себе внимание культурного мира: Японии, Кореи и Китая, Япония является самым младшим, Китай – самым старшим, Корея в историческом отношении занимает между ними среднее место. Она нередко являлась в истории связующим звеном между Японией и Китаем, через нее проносились из Китая в Японию культурные и религиозные течения: конфуцианство, таоизм, буддизм культивировались

в Корею и потом в Японию. Корейское население не так, может быть, окажется инертным как китайское, и не так подвижно как японское. Его восприимчивость сказывается уже в том, что оно способно поддаваться влияниям – раньше китайскому, теперь – японскому. Представляя, однако, значительные психические особенности сравнительно с японцами и китайцами, корейцы имеют с ними довольно много и пунктов сближения, немало таких открывается в религиозной сфере.

Как все народы, живущие обособленной жизнью, корейцы помещают себя в центре мира и от себя ведут его начало. Гора Пак-Тань-Сань, по их представлению, была колыбелью человечества и даже колыбелью всей земной и растительной жизни. Причина и источник жизни находится на небе. Когда была образована земля, на гору Пак-Тань-Сань были принесены на облаках растения и животные. Здесь явились и первые люди – Ко, Пу и Янг. С горы они спустились в долину, море принесло им три ящичка. Открыв эти ящички, они нашли в них прекраснейших женщин, которые и стали их женами. От них произошел человеческий род. Видя причину жизни в небе, корейцы и причины земных явлений видят в воле неба. У них нет развитого метафизического или теологического учения об этой воле, но в их верованиях видно смешение в наивной форме воззрений, отчасти – напоминающих китайские, отчасти – японские.

У китайцев небо считается владыкой и повелителем земли. Некоторые были склонны даже «шангти» переводить как «отец небесный», но шангти, на самом деле, можно переводить и во множественном числе. И почитание корейцев относится к объекту, который очень удобно назвать шангти. Как будто они почитают небесного духа, как будто – небесных духов. С другой стороны, их вера в волю неба, в какие-то принципы, которые должны быть осуществлены и нарушение которых производит нестроение в мире, похоже на безмолвное исповедание японцами подобных принципов, которым подчинены боги, духи и люди в их легендах.

Национальную религию корейцев правильнее всего, пожалуй, назвать шаманистическим полидемонизмом. Полидемонизм есть вера в существование множества духов, определяющих, или, по крайней мере – влияющих и могущих влиять на судьбу людей. Корейцы веруют в легионы духов, по месту обитания эти духи разделяются на небесных, воздушных и земных, по своим качествам – на злых и добрых. Влияние первых нужно парализовать, влияние вторых – привлекать. Духи предполагаются корейцем за каждую стихией, за каждым естественным более или менее грандиозным и характерным объектом, за каждым типом объектов. Горы, реки, ручьи, море, леса, поля предполагают за собою духов. А далее и

дороги оказываются имеющими духов покровителей, каждая деревня, наконец, каждый дом.

Представление о духах, охраняющих дом, непременно всегда содержит в себе мысль о духах предков. Некоторые выводят анимизм (веру в духов) из культа предков, но гораздо логичнее и согласнее с фактами культ предков рассматривать как частный случай анимизма. Существует мир духов. Души умерших людей приобщаются или присоединяются к этому миру. Но духи – хотя и духи – но в воображении их почитателей всегда приурочиваются к определенной территории.

О духах предков естественнее всего предположить, что они приурочены к домам потомков. С этими домами связаны любовь, привязанность и интересы предков, счастье отцов заключается в счастье их детей. Однако и отеческая любовь требует выражения любви и от детей. Не встречая такого выражения, она охладевает или прогневляется и заставляет вспоминать о себе уже не благодеяниями, а карами. Поэтому нужно выражать свою любовь к предкам в памяти о них (пишутся и сохраняются таблицы предков), в приношениях им, в обращении к ним за помощью и наставлениями. Если можно умиловать и прогневлять духов предков, то также можно умиловать и прогневлять и иных духов. Отсюда добрая или злая физиономия духа не является неизменною, неизменна его связь с тою или иною стихией. Признак же доброты или злобы нередко оказывается неустойчивым и колеблющимся. Каждая гора имеет своего духа. Его нужно почитать, иначе, ведь, пожалуй, измучаешься, взбираясь на гору. Духам гор ставят молельни или алтари на вершинах и перевалах, у подножия этих священных сооружений благочестивый кореец, поднимающийся в гору, обыкновенно кладет камень, поднятый им у подножия горы. Понятно, что из таких камней с течением времени образуется, своего рода, подобие гор.

Послушными животными горных духов считаются тигры. Доволен горный дух обитателями, ютящимися у его горы, тигры не трогают их. Если тигр начал производить опустошения в их селениях, значит, нужно добрыми приношениями умиловать горного духа.

В воде обитают души утопленников. О их расположении тоже должно заботиться. Верования корейские относительно этого суть почти общечеловеческие и прежде всего – китайские. Умершие нуждаются в том же, в чем и живые, но для них достаточно и не вещей, а только символов. Нужно бросать в воду подобие нужных предметов – бумажную одежду, бумажные деньги (в Корее находится в обращении исключительно медная монета), подобие пищи, овощи и рис. Чтобы усопшие могли находить в

воде приносимые им предметы, можно спускать лампочки в глиняных горшочках.

Нужно располагать духов дорог. По-видимому, и верстовые столбы в Корее не чужды религиозного значения. Столбы, как столбы, в рост человека, но на верху их обыкновенно безобразно вырезана человеческая голова так, что они представляют собою нечто вроде греческих терм.

Путешественники делают приношения духам дорог на придорожных кустах и деревьях, они вешают на них лоскутки материй, привешивают зерна риса или других растений завернутые в бумажку. Дорожные столбы около деревни ставятся в нескольких экземплярах. Они называются «чангжи» и очевидно имеют назначение охранять деревню, вдоль столба тянутся китайские надписи. Рядом со столбами ставятся «сольмеги» – длинные шести, верх которых заканчивается грубо сделанным изображением птицы с длинным клювом. Клюв обращен в сторону от деревни, он должен клевать и отражать все злое, приближающееся к деревне. Эти птицы отгоняют заразные болезни, например, оспу.

Справедливость, однако, обязывает отметить, что путешественник, минуя эти столбы и вступив в деревню, немедленно может встретить множество физиономий, изрытых оспою. Для ограждения поселения от злых духов (они же – и носители болезней) употребляются веревки из рисовой соломы, они перекидываются через дорогу на деревья. Значение их то же самое, что и в Японии, они, прежде всего, говорят всякому злу: вход воспрещен, а потом, в известных случаях, что входить не нужно, бесполезно. Такие религиозные верования, где нет или, по крайней мере, не выражается ясно и сознательно мысль о Высочайшем Владыке, и человек не вступает и не стремится вступить с ним в живое общение, где далее нет и системы богов и высший мир известный человеку исчерпывается духами природы и умерших, такие верования носят имя полидемонизма. Но полидемонизм корейский должен быть назван шаманистическим.

Шаман – слово тунгузского происхождения, оно синонимично с нашим словом «кудесник». Шаманизм есть вера в возможность и желательность воздействия на духов кудесническими средствами, которыми располагают лишь некоторые лица (шаманы). Обычные приношения и моления духам не представляют собою шаманистического явления. И употребление суеверных средств есть общечеловеческое явление.

Шаманизм начинается там, где является шаман. Шаман наделен сверхъестественными дарованиями порою уже от природы, и затем он

владеет сверхъестественными силами, приобретенными посредством изучения, понятно, являющегося *disciplina arcanum*. Шаман должен знать духов, их свойства и качества, должен знать методы для привлечения духов добрых, для парализации деятельности духов злых или для того, чтобы направить ее на других. Он должен уметь заговаривать от зла и наговаривать зло; Вкусы духов он должен знать детально. С какими крапинами барана нужно принести духу, какие подробности в телодвижениях, в произнесении слов должны быть соблюдены при этом, все это должен знать шаман.

Духи капризны и требовательны. Людям постоянно грозит опасность сделать неприятное духам, отсюда последователи шаманизма трусливы в религиозном отношении. Они совсем бы пропали, если бы не шаманы. Шаман при помощи специальных гаданий может предвидеть будущее, при помощи магических чар может изменять характер будущего. Шаман знает множество примет и законов связи между внешними явлениями и последующими событиями в жизни человека. С внешней стороны шаман является человеком с ненормальной нервной системой. Обыкновенно им свойственна истерия, выражающаяся, между прочим, в анестезии (нанесение себе ран, проглатывание горячей пакли без проявления чувства боли).

Шаманы – эпилептики. При помощи дикой музыки, дикой пляски и иных средств шаман может прийти в экстатическое состояние. Тогда, значит, им овладел дух. В этом состоянии шаман бормочет непонятные слова, которые истолковываются как пророчества, в этом состоянии шаман может открыть преступника, выгнать духа болезни из больного или злого духа из дома.

Шаман бросается с ножом на больного, со страшным скрежетом зубов, с рычаньем, это он хочет испугать духа болезни. Или он кидается с теми же приемами и орудиями в какой-нибудь угол, значит, там находится злой дух и его нужно выгнать. В Корее имеются шаманы и шаманки. Первые называются «пань-су» вторые – «му-дан». Шаманы в Корее слепые. Это напоминает японскую секту слепых (первоначально ее основал там Сен-мимара, выплакавший глаза после смерти любимой жены, затем ее преобразовал Йоротимо).

Эта вера в духовное могущество слепых как бы основывается на предположении, что потеря телесного зрения дает возможность лучше изошрить зрение духовное. В течение трех лет кандидаты в пань-су изучают у пань-су науку о духах и о средствах влиять на них и утилизировать их в своих целях. Причина каждого явления есть дух.

Устранять эти причины или привлекать их должен пань-су. Часто, разумеется, происходит, что пань-су не умеет справиться с духом, произведшим болезнь или несчастье. Это объясняется теорией ступеней в могуществе пань-су и в могуществе духов.

Духи и пань-су неравны по силе. Есть духи, которые могущественнее могущественнейших пань-су, такие духи не подчинятся силе заклинаний. Есть плохие пань-су, которые не умеют справляться и с слабыми духами. Пань-су, как и вообще колдуны, могут не только делать добро, но и накликать зло. Если их рассердить, обидеть, они, понятно, будут мстить. Поэтому надо стараться располагать их к себе. Их приглашают на семейные торжества, угощают. Будучи колдунами, они являются и пророками, предсказывают судьбу новорожденных, бракосочетавшихся. Они знают, что и когда надо делать. Дни в Корее, как и во всех подобных странах, делятся на легкие и тяжелые, счастливые и несчастные.

В Японии давно уже во всеобщее сведение составлены таблицы тяжелых дней (в I и VII месяцах – 3, 11, 19, 27; во II и VIII – 2, 10, 18, 26; в III и IX – 1, 9, 17, 25; в IV и X – 4, 12, 20, 28; в V и XI – 5, 13, 21, 29; в VI и XII – 6, 14, 20, 30). В Китае публикуются такие таблицы.

В Корее шаман определяет несчастные дни в каждом отдельном случае. Дело, однако же, не может считаться безусловно погибшим, если будет произведено в несчастный день. Надлежащие заклинания могут парализовать значение несчастного дня. Так свадьба, заключенная в несчастный день, может оказаться счастливою. На пань-су в Корее лежит, между прочим, та обязанность, которую с успехом выполняют таоистские жрецы в Китае – определение наилучших мест для могил. В Китае Фень-шуй (правила о месте погребения) имеет великую важность и соблюдается по возможности строго. В Корее едва ли возможна подобная щепетильность, но правила, аналогичные фень-шую, существуют.

Шаманки му-дан – обыкновенно галлюцинирующие истерички. Они по патологическим свойствам своего духа находятся в несомненном родстве с нашими кликушами. Только кликуши стремятся освободиться от власти овладевшего ими духа, а му-дан, напротив, находят возможным утилизировать духа, с которым у нее установились сношения. Раз в женщине замечены свойства, дающие ей возможность стать му-дан, она выделяется из семьи, из общества.

По-видимому, это показывает, что они трактуются, как прокаженные, нечистые. Но отношение к ним, в сущности, двойственно: их изгоняют и окружают почетом, с ними не хотят жить, но жить хотят при помощи них.

Они являются посредниками между целыми селениями и духами, от

которых зависит благополучие этих селений. Они руководят празднествами в честь этих духов, молитвами, жертвами, они совершают заклинания. Религиозные празднества в шаманизме обыкновенно связываются с танцами, во время которых на шаманку может накатить дух, она тогда является вдохновенною, открывает тайны и возвещает будущее.

По отношению к духам враждебным, для борьбы с которыми приглашают шаманок, они держатся системы запугивания: ножами, криками, скачками они, как и шаманы, пугают духа. Добрыми приношениями они привлекают доброго духа – покровителя, когда заподозрено или выяснилось, что он бросил на произвол судьбы охраняемый им дом.

Гадают шаманки по звону колокольчиков, привязанных к палке, и по рисовым зернам. В таком случае зерна у них заменяют наши карты. У нас судьба определяется гадалщицами по расположению карт, у них – по расположению брошенных на стол рисовых зерен. В звоне колокольчиков гадалка ищет голоса духа, с которым нужно считаться в данном случае. Му-дан приглашаются родителями для совершения своеобразного обряда продажи детей демону, разумея под демоном не злого, а просто более или менее сильного духа.

Обычай этот не всеобщ, но и нередок. По своей сущности он представляет то же самое, что и христианское назначение ребенку святого патрона (покровителя), причем как у христиан имя патрона при этом становится именем ребенка, так и у корейцев имя духа присоединяется к имени дитя. В этом корейском обряде мы видим выражение общечеловеческого убеждения в необходимости для человека высших покровителей.

Христианство, будучи истиной, видит и признает в святых покровителях людей их руководителей в деле вечного спасения, корейский шаманизм, не представляющий себе вечности, смутно рисуящий посмертную жизнь по образу земной чувствует нужду в покровителях, прежде всего для земных целей и хочет от духа патрона получить земное благополучие. Отец ребенка вместе с шаманкой отыскивают недалеко от дома первого каменную глыбу и на ней совершают обряд посвящения ребенка духу. Глыба для семьи становится священным местом, символом духа и в определенные дни около нее совершаются моления жертвы. Кроме этих обязательных жертв и молений «проданный» ребенок не имеет обязанностей к духу, наоборот, дух обязан помогать ему в его нуждах. Му-дан совершают обряды очищения оскверненных мест, изгоняют несчастье, привлекают благополучие, могут даже некоторым образом вызывать души

умерших, силою своих заклинаний они заставляют умершие души возвращаться в дом, в котором те жили.

Шаманизм вообще однообразен, в нем мало метафизики, много мистицизма, магизма, с ним обыкновенно связываются легенды о страшных духах и колдунах и о борьбе с ними духов благодетельных, колдунов добрых и наконец, героев. Но эти сказания не бывают объединены и систематизированы. Понятно, что шаманизмом могут довольствоваться лишь крайне неразвитые и недеятельные умы.

Человек чувствует свою связь с высшим миром, это чувство, может быть, искусственно ослабляется и атрофируется у интеллигентных людей, как ослабляется у них острота и некоторых органов чувств. Но, чувствуя свою связь с миром высшим и влача жалкое и полное тревог и забот существование, бедный дикарь не имеет времени достаточно поразмыслить о своем религиозном чувстве, и находит ему истолкование в шаманских сказках и магических действиях. А неправильно понятые и поспешно обобщенные его личные наблюдения еще более умножают цикл нелепых сказаний и обрядов.

Но работающая и анализирующая мысль не может успокоиться на шаманизме, она в начале и даже долго не отрицает его, но она ищет его восполнить. Корейцы не создали сами самостоятельной религии возвышающейся над шаманизмом, но они приняли все то, что имел в этой сфере Китай, приняв национальную религию китайцев – Конфуцианство (Религия Ю) и принятый Китаем из Индии буддизм. По мысли китайцев Корея, вероятно, должна быть их восточным форпостом.

Китайцы называли Корею Чаю-Сиан – страна утреннего затишья, утреннего спокойствия, и китайские сказания представляют, что блага религии и культуры корейцы заимствовали из Китая. Император Яо, великий просветитель Китая, представляется действовавшим и в Корее. Государственная религия китайцев конфуцианство распространена по всей Корее, обряды ее отправляются везде, даже и корейскими буддистами. Конфуцианство здесь, понятно- держится не в чистом виде.

Конфуцианство в существе есть теория поведения по отношению к государству, обществу, семье, наконец, самому себе. Конфуцианство, как мораль, отступило сравнительно в Корее на задний план, зато вперед выдвинулось конфуцианство как религия. Почитание предков у Конфуция в сущности есть дело приличия и благодарности. Но, как в Китае, так и в Корее, оно стало делом, могущим приносить выгоды, и является, во всяком случае, мистическим актом. Своеобразная конфуцианская психология признает существование в человеке трех душ: одна по смерти идет в

загробный мир пред трибунал 10 судей.

Другая живет в могиле и находится в ведении горного духа, третья живет в деревянной табличке, на которой написано ее имя и которую устроят и хранит благочестие и любовь его сына. С этой последнею душою потомки и состоят в действительно живых отношениях.

Распространен в Корее и буддизм. Это – буддизм той же формы, что в Японии и Китае, буддизм махаяны – большой повозки. Монастыри, идолы, бонзы, праздники, паломничества, все это совершенно подобно тому, что имеет место в Японии. Но в Японии имеются интеллигентные представители буддизма, которые стремятся его осмыслить и не отказываются от преобразований в религиозной области, в Корее нет этого. Здесь буддизм не понимается, а усваивается в завещанных традиционных формах. Бонзы знают буддийский ритуал, но не знают смысла буддизма, они совершенно подобны ламам наших калмыков и бурят, наставляющим их в буддизме тибетской формы и совсем или, по крайней мере, плохо понимающим его.

Корейцев насчитывают в настоящее время около 101/3 миллионов, японцев около 47 миллионов, общая численность тех и других уже подходит к 60 миллионам, японцы уже усвоили многое из европейской и американской цивилизации, кое-что начинают усваивать и корейцы. И, однако, до сих пор эти народы не имеют и не содержат учения о любящем Боге Отце. Христианство проникало в ту и другую страну.

Христианская мартирология насчитывает немало жертв языческого фанатизма погибших в странах утреннего спокойствия и восходящего солнца. В период 1672–1676, т. е. в 4 года на острове Ниппоне было замучено около 140 тысяч христиан. Гекатомбы в таких ужасных размерах не повторялись, но в размерах сравнительно меньших преследования, пытки и казни христиан повторялись неоднократно. В настоящее время число христиан в Японии, во всяком случае, не доходит до миллиона, православных насчитывается 29 тысяч; в Корее число всех христиан равняется приблизительно 120 тысячам, причем почти все они католики, число протестантов не доходит до тысячи, а число православных – даже до двухсот. Таковы скромные цифры обозначающие число лиц, слышавших в Японии и Корее о Боге Отце и Христе, Его Сыне. А если принять в расчет, что число номинальных христиан всегда было и будет больше числа христиан действительных, то стадо Христово на крайнем востоке нужно представлять очень немногочисленным. Что можно предполагать о последующих религиозных судьбах этих народов востока?

Насколько можно судить по фактам прошедшего и настоящего,

корейцы – народ, способный к подчинению, японцы – народ, способный к подражанию.

Доселе у корейцев, по-видимому, нередко кто брал палку, тот и становился капралом. Японцы, познакомившись с капралами культуры, не обнаружили охоты подчиниться им, а сами захотели стать такими же капралами. Но начав усваивать чужую культуру, они доселе не проявили самобытности и приняли пока культуру лишь внешним образом, проникновения внутренним духом культуры у них еще не заметно, у них даже не отменены пытки. Отсюда их подражание перешло, в сущности, в некоторое тонкое и далеко не всегда полезное для них подчинение чужим принципам. С другой стороны и о корейцах не должно думать, что они способны лишь слушать чужие приказания. С шестидесятых годов у корейцев возникла секта тонгхаков, основателем которой был Чой-Чейху.

Секта эта религиозно-политическая. Как политическая, она протестует против иноземных влияний и вмешательств, она стоит за самостоятельность и самобытность корейского народа. Как религиозная, она далеко не самобытна и может быть названа синкретической и аналогична, например, индийской Брами – сомай. Тонгхаки признают единого Бога неба, в подробностях их учения много и католических и буддийских элементов (но они не допускают священных изображений и не верят в переселение душ). Но пока еще трудно судить о духовной мощи этих народов. Что они сделают в сфере умственной неизвестно, но, с точки зрения нравственной, их должно признать способными усвоить учение Христа.

О корейцах нередко даются отзывы, как о людях добродушных. В японских легендах и сказках часто просвечивает моральный элемент. Эти сказки дышат любовью и жалостью к детям, состраданием к животным, в них сурово осуждаются корысть, нечестность, заносчивость. Некоторые из них являются как-бы нравственными притчами. Несомненно, японцы – великие патриоты, но кто умеет любить отечество, тот может полюбить и всех людей, тот при добром руководстве всегда может и умом и сердцем познать Бога и Его Христа. Причины, отталкивавшие доселе народы востока от христианства, многообразны и сложны и значительная доля вины за их противление христианству лежит, конечно, в тех, кого они знали носящими имя христиан.

Для того, чтобы эти народы правильно оценили святое учение Христа, нужно, чтобы они выяснили себе различие между учением и его номинальными последователями и чтобы носящие имя христиан были ближе к христианскому идеалу. В последнем все дело: кто желает

обращать ко Христу, тот должен носить Его не на устах, а в сердце.

В настоящее время японцы – народ крайнего востока – двинулись на запад: они ищут богатств, земель, рынков, ищут и власти и подчинения себе народов, их взорам, может быть, предносится и владычество над Кореей и гегемония над Китаем. В этом своем движении они забыли мотивы своих легенд и сказок, порицающих заносчивость, корыстолюбие и лукавство. Может быть, они вспомнят об этом после.

Но истинным благом для них и вместе с тем для всего мира было бы, если бы они нашли и овладели правдою Христа и не приняли бы только имя христиан, но стали действительно христианами. И истинным благом для мира было бы, если бы другие народы, не исключая и тех, которые именуется христианами более полутора тысячи лет, глубже и сознательнее восприняли учение Евангелия, и Евангельская истина стала бы не предметом только восхваления, но делом жизненного осуществления. Тогда на земле стало бы одно стадо и один Пастырь. Тогда исполнилось бы дивное пророчество о народах, что они: «...перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2:4).

Будет ли это, Господи?

Примечания

¹ - Религии Японии доселе посвящены труды главным образом на английском языке. Следующие авторы знакомят нас с нею: Dr. El. Griffis (капитальная история лионских религий), В. Chamberlain, E. Satow (.The Revival of Pure Shinto, The Chinto–Temple of Ise, Ancient Japanese Ritual) P. Lowell (Occult Japan), E. Buckley (Phallicism in Japan), Lafcadio Hearus (Glimpses of unfamiliar Japan). Много статей о японской религии, между прочим, и названных авторов помещаются в журнале Transactions of the Asiatic Society of Japans. На немецком языке подобные статьи можно находить в Mitteilungen der deutschen Gesellschaft für Ost–Asien. Во Франции подробным и наглядным образом можно знакомиться с религиями Японии в парижском музее Гимэ. Здесь собраны многочисленные и превосходные коллекции по Шинто, Риобу и главным образом – по буддийским сектам Японии. В текущем 1904 году – в журнале Revue de l’Histoire des Religions начал печатать исследование о шинтоизме Revon. На русском языке нет значительных монографий по японским и корейским верованиям. Сведения о них дают следующие самостоятельные и переводные издания: История религий и тайных религиозных обществ древнего и нового мира. 1870. Т. 2-й. Беттани и Дугласа–Великие религии востока. Шантем дела Соссэй–Иллюстрированная история религий Т. 1. 1899. В. А. Тимирязева–Религиозные верования с древнейших времен до настоящих дней. 1900 Черевковой–Очерки современной Японии. 2-е издание 1903 г. П. Ю. Шмидта – Страна утреннего спокойствия (о Корейских верованиях, о том же г. Шмидтом помещена статья в Русском Богатстве. 1903. № 11). Для выяснения религиозно и нравственно поэтических представлений японцев полезны – Японские легенды. 1901 г. (Библиотека Детского Чтения) и Японские народные сказки (второе издание „Светлячка“) 1904. и др.

² - Сведения о китайских верованиях (широко распространенных и в Японии) см. у С. Глаголева–Религии Китая. Москва. 1901.

³ - Тимирязев Религ. веров. 111

⁴ - M. de la Mazeliere L’Histoire du Japon 1899 p. 20

⁵ - см. Мандара храма Тоджи. Guide au Musee Guimet 1899 p. 242

Содержание

профессор Сергей Сергеевич Глаголев Религия в Японии и Корее профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
Примечания	36